

ББК 63.3(0)4-9

В.В. Серов

## Ранневизантийская дипломатия в 60–70-е гг. VI в.

*Ключевые слова:* дипломатия, внешняя политика, ранняя Византия, военный союз, варвары, финансово-политическая подоплека.

*Key words:* early Byzantine diplomacy, international relations, military allies, barbarian unions, political and financial interesting.

Изученность последнего периода жизни и правления императора Юстиниана I и времени правления его ближайшего преемника – императора Юстина II – весьма слабая. Это утверждение верно не только для общих, обзорных исследований, в которых названный отрезок истории лишь упоминается, но и для специальных работ, претендующих на детальное освещение одной из сторон жизни Ранневизантийского государства – внутренней политики, военной сферы, дипломатии. Предпринятое нами исследование имеет целью отчасти восполнить образовавшиеся историографические пробелы в картине международных отношений с участием Византии, отчасти – исправить неточности в представлениях современных авторов об этом предмете, ставшие следствием его поверхностного изучения.

Одним из главных направлений внешней политики Византии того времени было балканское, которое представляла аваро-славянская проблема. Еще до того, как на Балканском полуострове разразилась война Византии с аварами и союзными и подчиненными им племенами, дипломатические отношения между константинопольским двором и ставкой аварского кагана носили интенсивный характер и генерировались аварской стороной, которая подступала к императорам – вначале к Юстиниану, потом к Юстину II – с настойчивыми требованиями предоставления им материальных благ в обмен на военную помощь. Авары предлагали императорской власти в общем-то выгодный контракт, создававший на Дунае подобие сарацинского государства гасанидов (Menander, fr. 4–5), о котором сами они, скорее всего, практически ничего не знали, взяв в своих требованиях за основу известные им из устной традиции общие черты федератских договоров с балканскими варварскими народами, заключенных византийским правительством в IV–V вв. [1, s. 12–13]. Император Юстиниан, знавший о достоинствах наступательной и оборонительной эспондии с сарацинами, имел в виду при переговорах с сенатом и с аварскими посланниками либо эту модель военного союза, либо другую, но не менее удобную и финансово выгодную – омайхмию. В противном случае для него не имело

смысла юридически отличать вновь прибывшее на Балканы гуннское племя от прежних – утигуров, кутригуров и антов. В итоге Византия в 558 г. согласилась заключить с аварами удобный ей союзный договор, аналогичный тому, что давно существовал между империей и гасанидами, однако официально названный не эспондией, а омайхмией, т.е. так, как обычно именовались краткосрочные военные союзы императора с отдельными варварскими вождями. (Об этом недвусмысленно говорит терминология, использованная Менандром (Menander, fr. 4: ἐς ὀμαίχμιν; fr. 5: φύλον ὀμαίχμιν... Ῥωμαίοις); впрочем, возможно, что ромейской стороной подразумевался договор эспондии (ibid., fr. 48: ἐνσπονδος), толковавшийся эксплицитно ввиду того, что его условия первыми выслушали византийцы, а не авары). Форма омайхмии в этом случае была, вероятно, результатом компромисса, достигнутого в ходе двусторонних консультаций и переговоров. Византийская версия этого союза предполагала следующие кондиции: размещение варваров на той земле, которую они уже фактически занимали, которая не представляла для Византийского государства экономического интереса (в данном случае это Левобережье Дуная и часть Паннонии Второй); оплату племенной верхушки регулярными, но не ежегодными «подарками», состоявшими из малоценных для императорской казны предметов, однако же, они представляли богатство для варваров (так называемые предметы неги; ср.: Menander, fr. 5, 9, 14: цепочки, ложа, шелковые одежды; оружие; Theophyl. Simoc., III. 6.11, 14: золоченые ложа, столы, кубки, кресла и подставки, конские украшения и полное вооружение); военную и политическую поддержку племенной власти союзника в данном регионе. У аварского кагана, однако же, имелось отличное от имперского представление об условиях военной помощи с его стороны, которое он регулярно и настойчиво высказывал, надеясь на его реализацию: земля в провинции Малая Скифия, ежегодная оплата деньгами и подарками, самостоятельный выбор объектов нападения. В конце концов, после обмена многочисленными посольствами была достигнута договоренность, в основе которой, однако, лежала византийская версия союзного договора. На уступки пошла аварская сторона, по мнению которой подписанное соглашение носило временный характер. Недаром авары вновь и вновь возвращались к нему, требуя от императора принятия условий, озвученных

ими изначально (ср.: Menander, fr. 4 и 9). Юстиниан I успокаивал посланников кагана подарками, вскоре превратившимися в «обычные», а новых переговоров о форме союза умело, но каждый раз все с большим трудом избегал.

К началу правления Юстина II авары были уже готовы к тому, чтобы силой добиться от Византии исполнения своих требований, тем более, что обязательства со своей стороны они считали полностью выполненными. Когда в конце 565 г. Юстин II принимал очередное (но первое для него как императора) аварское посольство, он знал о воинственном настрое кагана Баяна, а также о мерах, предпринятых против его возможного вторжения еще при прежнем императоре, и, положившись на них и начатое им самим укрепление дунайской обороны, отказал аварам даже в подтверждении того договора, который был подписан Юстинианом (Menander, fr. 14; Mich. Syr., X. 18). Тем самым он планировал избежать дополнительных расходов в дипломатических отношениях с аварами. Едва ли сэкономленные здесь средства можно было эффективно потратить на нужды византийских походных сил Фракии и Иллирика: шелковые одежды и золоченые лошади войскам были противопоказаны; если Юстин подходил к этому вопросу предельно прагматично, то на войсковые нужды могла быть переведена стоимость «обычных подарков» варварам, что также не сильно поспособствовало бы укреплению дунайской границы. В данной ситуации вызывает удивление поведение аваров, которые несколько лет искали повода обвинить византийцев в нарушении их соглашения с ними, а когда он представился, ушли воевать на Запад. Одно из двух: или прав Менандр, сообщивший о моральной подавленности аваров после первой встречи с императором Юстином, или же верно то, что их отпугнула угроза разгрома на Дунае силами империи. Последнее ближе к истине, так как, несмотря на некоторые недостатки, Дунайский лимес был, по-видимому, в 562–566 гг. неплохо обеспечен укреплениями и адекватным количеством мобильных воинских подразделений иллирийского магистерия. Как бы то ни было, но авары вновь отложили решение проблемы византийских «субсидий».

Мирное равновесие в отношениях Византии с аварским племенным союзом нарушилось только около 568 г. Каган обрел уверенность в своих силах [2, р. 88] после военных и дипломатических побед над франками и лангобардами – противниками более сильными как для аваров, так и для Византии, чем гуннские народы, обитавшие в Паннонии в доаварский период. С этого времени вопрос о новом византийско-аварском договоре становится актуальным. В 568–570 гг. состоялось не менее четырех дипломатических встреч разного уровня и в разных для Византии условиях. Аварская сторона уже бескомпромиссно требовала золото и удобную ей римскую территорию, «обещая

за это удерживать себя от грабежей» (Menander, fr. 28). Баян, настаивавший на том, чтобы ему ежегодно платили столько золота, сколько раньше получали кутригуры и утигуры, вместе взятые, очевидно, плохо представлял себе то, что запрашивал. Платежи задунайским племенам не имели в прошлом хронографической регулярности; это доказывается хотя бы тем, что император Юстин II, отвечая аварским послам, кем-то введенным в заблуждение на сей счет, не ведал ни о величине таких сумм, ни о количестве сделанных выплат, – он знал только то, что когда-то в прошлом имело место нечто, подобное разовой субсидии или выкупу (Ibidem). Возможно, аварский каган по-прежнему лелеял мечту о том, чтобы сделаться федератом Византии наподобие готов конца IV в., которые получали золото, продуктовую аннону и при этом позволяли себе грабить население тех провинций, где им была предоставлена земля для поселения. Юстин Младший тоже стоял на своем, но его позиция оказалась проигрышной, ибо не учитывала возросшую мощь аваров, которая требовала коренной модернизации балканских вооруженных сил, так и не проведенной в его правление. Результатом неверной оценки правительством Юстина ситуации на Балканах и неравного противостояния с аварами явилось поражение византийского оружия в 570 г., и тогда же – подписание мирного договора на условиях, предложенных каганом Баяном еще в 568 г. (Menander, fr. 34). Историк Менандр и другие авторы ничего не сообщают о новых требованиях кагана, отчего в историографии и утвердилось мнение, будто в 570 г. Византия согласилась выполнить прежние требования аварской стороны [1, с. 13]. Однако в подписанном договоре могли оказаться и некоторые отступления в пользу Византии, касающиеся, например, формы нового соглашения (энспондии, как его назвал тюркский каган). Кроме того, Менандр рассказывает об удовлетворенных византийской стороной претензиях аваров, ограбленных скамарами (Menander, fr. 35); возможно, действия византийцев по розыску этих грабителей квалифицировались как военная помощь союзнику, попросившему о ней, и тогда новый аваро-византийский договор принял подобие омайхмии, – ради поддержания уязвленного самолюбия Юстина (принимая во внимание то обстоятельство, что слово «скамар» лангобардского происхождения, и действовали те скамары, вполне возможно, «как союзники славян», которые были врагами аваров [3, с. 7, 13].

Молчание источников о стоимости замирения с аварами в 570 г. открывает простор для догадок, имеющих под собой, однако, реальную основу. Если предположить, что византийским посланникам удалось убедить кагана в том, что ежегодные платежи задунайским гуннам в середине VI в. – это фикция, а затем уговорить его принимать в будущем «традиционные дары», получаемые аварами до 565 г., вместе

с некоторым количеством золота, вес которого был таким же, как и обычные выплаты варварским вождям, соглашавшимся служить Византии (т.е. 200–400 фунтов золота), то можно прийти к правдоподобному заключению, что «аварские платежи» с 570 г. не были, как и прежде, ежегодными и в общей сложности увеличились незначительно. При этом каган считался принятым на службу империи в качестве дукса. Договор 570 г. приобретает в подобном свете черты федератского договора, оставаясь в основе эспондией, т.е. формально становится таким, каким его желали видеть в ставке кагана, по сути изменившись незначительно. Данное предположение подтверждается, кроме красноречивого молчания источников, несколькими косвенными доказательствами. Во-первых, каган Баян любил золото столь сильно, что принимал даже мелкие суммы (например, Menander, fr. 28; Theophyl. Simoc., III. 16.12; VI. 5.16), так что он едва бы стал отказываться от выгодного предложения в виде золота, сделанного от имени императора, еще недавно совсем ничего не предлагавшего. Во-вторых, перечень вещей, отнятых разбойниками-скамарами у аваров, возвращавшихся домой после заключения мира: золота среди них не наблюдается (Menander, fr. 35). В-третьих, поведение Баяна после 570 г.: он откликается на обращенные к нему просьбы Византии о военной поддержке (Ibid., fr. 50), что возможно только при сохранении юридического равенства участников заключенного мирного договора, которое, в свою очередь, отрицает подчиненную позицию Византии при подписании мира 570 г. Наконец, в четвертых: когда мир между аварами и Византией оказался нарушенным в 580 г., то за его восстановление каган потребовал 80000 солидов, которые нужно было вносить ежегодно «серебром и одеждой» (Theophyl. Simoc., I.3.6). Очевидно, что и прежние платежи были нерегулярными и меньшими, чем указанная сумма. Таким образом, несмотря на усилия и относительные успехи аварской стороны, ее положение в отношениях с Византией оставалось практически неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Еще одну внешнеполитическую проблему для империи той эпохи представляли лангобарды, захватившие север византийской Италии и стремившиеся к захвату Рима и Равенны. До этого лангобарды считались «союзниками» Византии [4, p. 88] в самом широком смысле этого понятия. Из имеющихся в нашем распоряжении разрозненных данных, относящихся к статусу лангобардов в середине VI в., следует, на наш взгляд, единственно правильный вывод о том, что правительство Юстиниана I проводило гибкую политику в отношении этого народа, имея в разное время различные по интенсивности и сути контакты с разными его частями – племенами и родами. Изначально договор о дружбе и взаимопомощи (вероятно, омайхмия) был заключен с тогдашним главой ланго-

бардского племенного объединения, королем Вахо; позднее с вождями отдельных родовых групп заключались иные договоренности (например эспондия; см.: Procop., B.G. III.33.10 ff.), а с королем лангобардов продолжала сохраняться омайхмия, не требовавшая от Константинополя не только ежегодных, но даже непременно денежных подарков ему.

Поистине судьбоносным событием для обеих сторон – византийской и лангобардской – стало приглашение последней принять участие в ромейской экспедиции 552 г. в Италию в качестве симмахов, направленное стратегом-автократором Нарсесом от имени императора Юстиниана. Поскольку лангобардская королевская власть договаривалась относительно симмахии конкретно с Нарсесом, то фактически в 551–552 гг. имело место возобновление прежнего договора-омайхмии между новыми ответственными лицами, ибо омайхмия рассматривалась варварами как личный союз двух военных вождей (в то время – короля Аудоина и полководца Нарсеса). Заключенная тогда византийско-лангобардская омайхмия сохраняла юридическую силу до смерти Аудоина, последовавшей около 566 г., после чего новый король, Альбоин, стал добиваться нового военного союза с императором (Menander, fr. 25). Как известно, Юстин II отказался поддерживать войсками империи как лангобардов, так и гепидов, и тогда Альбоин, давно и лично знавший тогдашнего фактического главу администрации Италии Нарсеса [5, p. 924–925], вполне мог обратиться к нему с предложением возобновить прежний союз.

Обстоятельства, сопутствовавшие заключению договоренности между Нарсесом и Альбоином, совершенно неизвестны, однако нетрудно догадаться, что король лангобардов искал помощи в войне с гепидами, а Нарсес видел выгоду в дружбе с сильным племенным объединением варваров. В свете этого предположения по-иному выглядит подвергнутый критике и объявленный вымыслом известный сюжет с приглашением лангобардов в Италию (Paulus Diacon., Hist. langobard. II.5): в условиях возобновленного личного военного союза так называемое приглашение Нарсеса могло быть платой за какую-нибудь услугу со стороны лангобардов, – например, охрану северных рубежей византийских владений в Италии от франков и других потенциальных врагов, с которыми итальянские власти были не в силах справиться самостоятельно [1, s. 15]. Скорее всего, лангобардов в 568 г. пригласили не завоевывать Италию, а разместиться возле границ и служить наподобие эспондов или федератов (примеры такого рода известны – герулы Синдуала, например [5, p. 1155]); недаром известия о приходе Альбоина в Венецию византийские власти как в Константинополе, так и в Италии восприняли на удивление спокойно. Нарсес забеспокоился лишь тогда, когда пали первые византийские крепости и началась осада Тичина-Павии (Paulus Diacon., Hist.

langobard. II.11). Его отставка, а потом и смерть означали прекращение договорных обязательств с лангобардами, что осложнило для Византии ситуацию в Италии, так как исчезла возможность заключения нового мирного договора: Альбоин не стал бы вести переговоры с императором Юстином, который однажды уже отказался от них, а авторитетного и наделенного полководческим рангом посредника, подобного Нарсесу, у византийцев не было.

Византийская сторона стала искать альтернативу вооруженному противостоянию на Апеннинах после того, как император Юстин утратил активность в делах, когда во внешней политике его сменил кесарь Тиберий, а в лангобардском обществе выявились более сильные, чем королевская власть, субъекты международных отношений – племенные герцоги. С ними византийское правительство начало переговоры об оказании военных услуг армии, действовавшей против Ирана (Menander, fr. 51; Iohann. Biclar., a. 575). Собственно, то были предложения относительно симмахии – давно известном варварам институте. Византийское золото и надежды на богатую добычу на востоке скоро возымели действие, и около 575 г. первые отряды симмахов-лангобардов на год влились в созданное Тиберием восточное войско. Маловероятно, чтобы крупные силы варваров-единоплеменников оставались в составе византийского войска дольше: это было дорого и небезопасно. Вероятно, «какие-то лангобарды» нанимались на византийскую службу и после 576 г., однако едва ли их было более одного стандартного воинского подразделения в 200–600 человек. Таким образом, отношения императорской власти с лангобардской племенной верхушкой в Италии стабилизировались во второй половине 70-х гг., приобретая и на будущее традиционную для VI столетия форму коллективного найма небольших варварских отрядов на короткий срок.

Не менее важным, чем западное, оставалось для Византии восточное направление ее внешней политики и дипломатии.

Во взаимоотношениях Византийского и Сасанидского государств после смерти Юстиниана начал применяться иной подход к решению возникавших проблем. Доказательством тому служит заметное отступление Юстина II от того имперского внешнеполитического курса, который проводился на востоке начиная с 532 г. и предполагал поддержание мира всеми возможными способами, включая золото и терпимость к мелким пограничным конфликтам и локальным вторжениям на византийскую территорию. Общественность восточных регионов Византии тоже приветствовала сохранение формального мира с Ираном (Menander, fr. 37; Theophyl. Simoc., III.9.4–6, 8), однако все сколь-нибудь политически мыслящие византийцы прекрасно понимали, что соседство бок о бок с мощным государством, руководимым сильной центральной властью,

создавало угрозу большой и, скорее всего, неожиданной для Византии войны с ним. Юстиниан I опробовал за время своего правления все варианты возможного поведения по отношению к потенциально враждебному Ирану: в начале попытался добиться быстрой и решительной победы, затем сдерживал персидскую военную машину, стремясь сохранить установленный при Анастасии I status quo, и, наконец, остановил свой выбор на концепции, в которой упор делался на дипломатию и использование сдерживавших активность иранского шаха противовесов в виде военных союзов с соседними народами и крупных платежей золотом. Юстин Младший, отказавшись от того, к чему в ходе длительного эксперимента пришел его предшественник, начал, по сути, с того же, что и Юстиниан Великий в начале своего правления, а именно: с обострения отношений с Ираном. Трудно, однако, поверить в то, что он готовился к быстрой победоносной войне на востоке (Evagr., H.E. V.7). В отличие от раннего Юстиниана, Юстин II вскоре после интронизации постарался победить Иран при помощи своей дипломатии, которую он считал продуманной и умелой; очевидно, император искренне верил в то, что, одержав верх над шахскими посланниками за столом переговоров, да еще на персидской территории, он сумеет создать новую международную политическую реальность, в которой Иран окажется неравным соперником Византии (Menander, fr. 15). Этого не произошло, и Юстин стал искать возможность сломить персидское могущество при помощи третьей силы, которая бы искренне, а не за византийское золото, воевала с общим противником вместе с Византией; таким верным и могучим союзником ему представлялся Тюркский каганат.

Крах императорских планов и всей внешнеполитической доктрины Юстина произошел, когда крупное военное поражение в Месопотамии совпало с осознанием отсутствия альтернативы начавшейся затяжной Персидской войне, – альтернативы, на которую Юстин II изначально возлагал главные свои надежды: дипломатия и союзники. По части дипломатии Юстина подвели как недостаточно талантливые исполнители, так и недооценка действительного положения дел в окружавшем Византию мире; союзники же оказались или излишне самостоятельными, или недостаточно сильными, какими их желал видеть Юстин. В итоге ему, а вскоре и его преемнику Тиберию пришлось вернуться к позднеюстиниановской модели отношений с Ираном, т.е. воевать с персами один на один и добиваться мира посредством уступок. Только за неполные четыре года, минувшие с назначения Тиберия вторым лицом в империи, и вплоть до кончины Юстина II византийская сторона по меньшей мере четырежды обсуждала условия перемирия и будущего мира с Ираном. Интенсивностью и результативностью эти переговоры весьма напоминают те, что велись в период Второй персидской войны Юстиниана I.

Взаимоотношения Византии и Ирана привлекали немало посторонних участников международных отношений, обитавших на огромных пространствах вблизи или в отдалении от двух главных действующих лиц. Среди них наибольший интерес вызывают тюрки и арабы, участие которых в международных отношениях на востоке зачастую было фактором, определявшим международную ситуацию в целом регионе.

В византийских отношениях с тюрками имеется немало того, что отличает их от обычного типа союзнических взаимоотношений, принятого Византией на вооружение в конце V – первой половине VI в. Речь идет как будто все о той же «омайхмии» (Menander, fr. 18: ὁμαιχμία τῶν Ῥωμαίων τε καὶ Τούρκων) [6; 7, p. 117]. Представляется, однако, что в случае с тюрками у византийцев получился фактически только наступательный союзный договор. Прежде всего, первыми попросили о договоре тюрки (Menander, fr. 18), которые не были даже отдаленными соседями византийцев; обычно с инициативой заключения военного союза с отдаленным народом выступали византийские посланники. Данное обстоятельство накладывало на тюркскую сторону некоторые дополнительные, хотя и не обременительные обязательства и, соответственно, умаляло тюркские требования в отношении византийской стороны. Кроме того, тюркский каган был заинтересован исключительно в наступательном союзе, так как имел вполне определенные виды на оскорбивших его аваров и персов (Ibid., fr. 18, 32).

Далее, для тюркского властителя заключенный им союз не имел большого значения, так как он в любом случае открыл бы боевые действия с назначенным им самому себе противником (Ibid., fr. 20: поход на персов состоялся до ратификации омайхмии каганом Дизавулом; fr. 45: тюрки отправились воевать к северным рубежам Византии, хотя логичнее было бы попросить об этом одолжения византийцев). Ведя первые переговоры о мире и союзе (в 568–569 гг.), тюркская и византийская стороны (а если быть совершенно точным, то и согдийцы в составе посольства Маниаха) договаривались о разных вещах. Императора Юстина явно интересовало отношение тюрков к аварам (Ibid., fr. 18) и перспективы совместного тюркско-византийского наступления на них, тогда как каган Дизавул торопился наказать персов, поскольку считал, что бежавшие из-под его власти авары никуда от него не денутся (Ibid., fr. 20, 45). Очевидно, что для византийцев из всех внешнеполитических проблем в тот момент наиболее острой была аварская, а для тюрков – иранская. Замечательно, однако, не это, а то, что посланники кагана, друг за другом регулярно прибывавшие в Константинополь (Ibid., fr. 45), привили императору мысль о первоочередной важности совместной войны против иранского шаха (Ibid., fr. 32; Theoph., AM 6064). Юстин II

стал заложником тюркской политики и собственных грез о поражении Ирана.

В конечном счете, тюрки первыми же и отказались от навязанного ими Византии военно-наступательного союза, когда сочли, что Персия достаточно наказана за вероломство в отношении кагана и его подданных (Menander, fr. 45). После этого основной целью их военной активности делаются если не собственно авары, то территории, примыкавшие к новым владениям аваров в Подунавье и Северном Причерноморье (Ibid., fr. 45). Таким образом, тюркская сторона в византийско-тюркском военном союзе действовала более чем самостоятельно, сообразуясь с собственными потребностями и не считая себя связанной обязательствами, безусловными для византийской стороны. Это и понятно: тюрки не знали юридических тонкостей того, что византийцами определялось как «омайхмия», а заставить их соблюдать понятную только ромеям договоренность последние не имели сил. Примечательно, что Менандр, который для описания того союза, о котором приехали договариваться тюрки, употребил юридически точные термины «мир» и «военный союз» (εἰρήνην καὶ ὁμαιχμίαν), в дальнейшем, касаясь той же темы, говорил уже менее определенно о «дружбе» (φιλία) (ср.: Menander, fr. 18 и 20, 45, – особенно последний фрагмент, где кроме расплывчатой византийско-тюркской «дружбы» упоминается рядом вполне конкретный византийско-аварский договор-эспондия). Все это свидетельствует в пользу того, что византийцы вынуждены были подстраиваться под политические желания тюрков. Тюркский каган, выступая инициатором заключения союза, должен был поступиться в пользу византийцев при обмене обязательными дарами. Менандр Протиктор достаточно подробно останавливается на дипломатических подарках кагана, состоявших из дорогого шелка и пленников (Ibid., fr. 18, 20, 22), и совсем не описывает ответные дары императора (Ibid., fr. 20). По-видимому, стандартный набор подарков, посылаемых варварам для того, чтобы поразить их воображение богатством империи, в данном случае оказался бедным: у кагана имелось в достатке и золото, и дорогие ткани, и украшения. Неизвестно, как в Константинополе решили эту головоломную задачу, но ясно, что византийская сторона получила от тюркской несколько больше, чем дала сама. Невыгодное для тюрков соотношение ценности взаимных дипломатических подношений каган списал на издержки своей инициативности; в конечном счете, он платил за то, что желал получить: военную поддержку своих планов в отношении Ирана и независимость от достаточно сильного партнера в выборе объектов нападения.

Вопрос цены союза византийского императора с сарацинами нами уже рассматривался [8, с. 111–113]. В течение первой половины VI в. и вплоть до самой кончины Юстиниана I арабские союзники импера-

тора находились в большинстве своем на положении энспондов, военная помощь которых Византии оплачивалась несколько своеобразно по сравнению со многими другими варварскими народами, удостоивавшимися приглашения выступать симмахами византийских войск. В качестве оплаты филархи гасанидов получали почетные византийские титулы и вместе с остальной племенной верхушкой – «подарки» от василевса ромеев. Весь господствующий в регионе сарацинский род, а также их союзники и вассалы находились под покровительством императорской власти и имели право на военную и некоторую материальную поддержку с ее стороны. Если арабский отряд призывался в поход за пределы мест обитания племени гасанидов, то такая услуга могла оплачиваться отдельно как участие всякого другого отряда симмахов-энспондов. Главное, что определяло характер византийско-сарацинского союза, – это взаимная и глубокая заинтересованность обоих его членов; такой союз был прочным и длительным, с успехом переживал кризисы, и поколебать его могло бы лишь очень серьезное нарушение союзнических прав одного из партнеров действиями другого партнера, – например, грубым вмешательством во внутреннюю политику или откровенным предательством.

Как показывают данные источников, изменений в характере арабо-византийского союза после смерти Юстиниана и гасанида Харита, бывшего «царем византийских сарацинов», не произошло. Наследник титула и власти последнего, Мундар ибн Харит, продолжал воевать с враждебным гасанидам племенем лахмидов, одновременно защищая и византийские земли от нападений этих персидских союзников (Iohann. Ephes., VI. 3; Mich. Syr., X. 8, 13). Успешные боевые действия Мундара вознаграждались богатой добычей, состоявшей из скота, вещей и, возможно, пленников. Правительство Юстина II как будто не настаивало на изменении религиозных убеждений гасанидов-монофизитов, как это было в правление Юстина I. В периоды вынужденного бездействия, когда извечный враг гасанидов, лахмиды, был побежден и скрывался где-то в пустыне, не помышляя о нападениях на территорию, подвластную Мундару, воинство последнего привлекалось для участия в византийских экспедициях против Персии (Mich. Syr., X. 13). Казалось бы, этот столь успешный и выгодный для обеих сторон альянс должен был сохраняться еще долго; тем не менее, он необратимо распался не позднее 585 г. [9, с. 214].

В прекращении энспондии «государства гасанидов» просматриваются различные причины, но первый импульс, приведший к известному результату, исходил от византийского правительства. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, начало разногласиям между союзниками положил эпизод с золотом, которое попросил для своих воинов Мундар (Iohann.

Ephes., VI. 3; Mich. Syr., X. 8). Явный финансовый подтекст этого происшествия вызвал в современной историографии арабской истории появление версии о том, что Мундар своим требованием перешел допустимые ранневизантийским международным правом границы, определенные понятием федератского договора [9, с. 204; 10, р. 347]. С подобной трактовкой согласиться нельзя по следующим соображениям. Гасаниды были не федератами, а энспондами, и уже поэтому они не могли требовать увеличения нормы адэрированной федератской анноны; из текста источников видно, что золото выпрашивалось не для «оплаты воинов» (как в переводе Н.В. Пигулевской), а для «раздачи воинам» (в переводе И.В. Кривушина) или «чтобы наградить свое войско» (у Ю. Кулаковского), что совсем не одно и то же. По нашему мнению, арабы просили золото у императора потому, что в добыче, захваченной ими на земле лахмидов, драгоценностей оказалось мало, а возросшие к концу VI в. материальные потребности кочевников уже не удовлетворялись только лошадьми и верблюдами. Кроме того, гасаниды привыкли получать в прошлом так называемые подарки, которые состояли из ценных предметов, редких в скудном быту кочевников. Например, Иоанн Эфесский дает список того, что впоследствии филарх Харит ибн Мундар получил от императора Тиберия Константина в качестве компенсации за обиду, вызванную тем самым отказом в «подарках»: золото, серебро, красивые одежды, оружие и почетные титулы (Iohann. Ephes., IV. 39). Поэтому представляется верным, что Мундар своим обращением к императору Юстину II напоминал об одном из обязательств византийской стороны, забытой (а, вернее, проигнорированной) преемником Юстиниана I. Стоит оценить деликатность Мундара, который стал просить «золото» не прежде, чем доказал верность союзническому долгу на деле, и недальновидность Юстина, который в своем решении экономить на дипломатии уравнивал всех тогдашних энспондов Византии. Экономия на союзных арабах у него, действительно, получилась, но привела к последствиям, стоившим византийской казне гораздо больше, чем несколько золотых безделушек и монет.

Юстина II не устраивала политическая самостоятельность «царя арабов», несколько выступавшая за пределы византийского понимания энспондии. В этом, очевидно, следует видеть причину того давления, которое имперские власти оказывали на Мундара ибн Харита как до ссоры из-за невыданных «подарков», так и вскоре после его примирения с Юстином. Давление это особенно усилилось в начале правления императора Маврикия. Была ли реальная подоплека у постоянно нараставшей травли заслуженного и честного византийского союзника Мундара, – неизвестно; важно то, что специфическое отношение императорской власти к нему [10, р. 346–364, 373–389,

439–464, 860–921] стало причиной неполадок в весьма стройной и эффективной системе обороны юго-восточных рубежей Византии и усиления Персии за счет переметнувшихся на ее сторону племен, прежде подвластных гасанидам.

Подведем итоги. За время длительного пребывания у власти и активного ее использования Юстиниан I интуитивно или путем проб и ошибок сумел найти в сфере дипломатии наиболее действенные методы решения международных вопросов и проблем. Созданный им весьма эффективный и почти автоматически работавший механизм взаимодействия с существующими и будущими контрагентами сферы международных отношений не требовал в конце его жизни активного участия престарелого императора, хотя, вопреки утвердившемуся в историографии

мнению, Юстиниан способен был энергично вникать в вызовы времени. Но у системы, разработанной правительством Юстиниана, был один серьезный недостаток: она функционировала только при условии самовоспроизводства и требовала от преемников на троне поведения, копирующего юстиниановское. В противном случае нужна была коренная ломка и последующая перестройка всего механизма. В полной мере это ощутил на себе и продемонстрировал Юстин II, который уже при интронизации заявил об изменении многих политических направлений прежней администрации, хотя сам не был полностью готов к ним даже внутренне. Результатом стал горький опыт и признание поражения, отход от большой политики и передача руля управления в руки преемников, сознающих свое место и креативные возможности.

### Библиографический список

1. Stein, E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. und Tiberius Constantinus / E. Stein. – Stuttgart, 1919.
2. Avenarius, A. Die Awaren in Europa / A. Avenarius. – Amsterdam ; Bratislava, 1974.
3. Дмитрѣв, А.Д. Движение скамаров / А.Д. Дмитрѣв // Византийский Временник. – 1952. – Т. 5.
4. Pohl, W. The Empire and the Lombards: Treaties and Negotiations in the Sixth Century / W. Pohl // Kingdoms of the Empire. The Integration of Barbarians in Late Antiquity / Ed. by W. Pohl. – Leiden ; N.Y. ; Köln, 1997.
5. Martindale, J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III: A.D. 527–641 / J. Martindale. – Cambr., 1992.
6. Miller, D.A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD / D.A. Miller // Byzantinoslavica. – 1971. – Т. 32.
7. Blockley, R.C. The History of Menander the Guardsman: Introductory Essay, Text, Translation, and Historiographical Notes / R.C. Blockley. – Liverpool, 1985.
8. Серов, В.В. Юридический статус союзных Византии арабов в VI в. / В.В. Серов // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада : тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008 г. – М., 2008.
9. Пигулевская, Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. / Н.В. Пигулевская. – М. ; Л., 1964.
10. Shahîd, I. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century / I. Shahîd. – Washington, 1995.